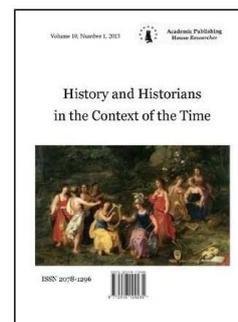

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2014.
ISSN: 2078-1296
Vol. 13, No. 2, pp. 84-91, 2014

DOI: 10.13187/issn.2078-1296
www.ejournal3.com

UDC 94

“I’ll Either Leave or Die”: The “Exodus” Moods of the Intelligentsia of Southern Russian Cities in the Early 1920

Anna N. Ereemeeva

Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage names after D.S. Likhachov, Russian Federation
Dr. (History), Professor

Abstract

This article attempts to reconstruct the emotional state of the intelligentsia of cities in Kuban and the Black Sea area in the early 1920s. The subject of the study is, above all, the capital’s intelligentsia who fled to the South during the Civil War, and after its close were doing their best to return.

Keywords: South of Russia; early 1920s; intelligentsia; emotional state; province-center.

Введение

Одним из социокультурных последствий революционных событий 1917 г. стало изменение географии культуры. Всеобщая нестабильность и разруха, частая смена политических режимов сочетались с активной организаторской деятельностью властных структур, общественных, профессиональных, творческих союзов, а также массовой миграцией на Юг столичных культурных сил. Процесс миграции начался еще в годы Первой мировой войны, когда на территории, удаленные от линии фронта, из западных регионов эвакуировались вузы, художественные коллективы и т.д. Массовое перемещение интеллигенции из столичных городов на периферию происходило в 1918–1919 гг.

«Город когда-то был тихой станицей,

Но неожиданно стал он столицей.

В несколько лет населения число

В десять иль более раз возросло» – писал о Екатеринодаре тогда еще не всенародно известный детский поэт, а ведущий фельетонист местной газеты «Утро Юга», переводчик английской поэзии Д-р Фрикен (С.Я. Маршак) [1]. Ему вторили (уже в прозе) Н. Тэффи, З. Жемчужная, М. Волошин и другие, побывавшие в городе в годы Гражданской войны.

Не только Екатеринодар, но и другие центры всероссийского беженства (на Юге это были Одесса, Киев, Харьков, Ростов-на-Дону, Новороссийск, города Крыма) в сознании современников приобретали статус новых культурных центров в противовес старым – российским столицам. Основой насыщенной культурной жизни новых центров стало сотрудничество провинциальной и столичной интеллигенции.

Окончание Гражданской войны означало кардинальное изменение социокультурной ситуации и достаточно быстрое восстановление прежней конфигурации «центр-провинция». Соответственно изменился и статус интеллигенции, «унесенной ветром революции» на Юг.

В данной статье сделана попытка реконструировать эмоциональное состояние деятелей науки и культуры, живших в начале 1920-х гг. на Кубани и Черноморье, однако «видевших» свое самое ближайшее будущее в столицах.

В качестве источников выступают в основном мемуары, дневники, личная переписка, художественные тексты, делопроизводственная документация органов управления образованием, периодическая печать.

Обсуждение

В период радикальных и стремительных перемен все члены общества одинаково испытывают чувство растерянности, неуверенности в будущем, лишаются надежных ориентиров. Как справедливо заключил исследователь Гражданской войны в России И.В. Нарский, большинство людей жило в те трагические годы растительной жизнью и приспособлялось как могло [2].

Уже в конце 1919 года многим стало ясно, что дни Белой армии сочтены, и установление советской власти на всей территории России, в том числе и на Юге, неизбежно. Перспектива жизни в советской России воспринималась по-разному. Одни поспешили уехать в портовые города и дожидаться первого же подходящего судна, чтобы покинуть Россию. Другие пытались смоделировать отношения с будущими правителями.

Большинство интеллигенции не видело особенной угрозы со стороны советской власти себе лично и своей профессиональной деятельности. Их уверенность опиралась на кратковременный опыт сотрудничества в 1918, а на Украине и в Крыму и в 1919 годах. Литераторы и журналисты, правда, смотрели в будущее без оптимизма, прогнозируя закрытие газет, национализацию издательств, типографий, снижение спроса на журналистскую работу. Те, кто выступал в годы Гражданской войны с антисоветскими публикациями, не исключали возможности карательных санкций со стороны новой власти. Но в то же время они знали, что собственных кадров – грамотных, владеющих словом, опытных – у революционной власти недостаточно и журналистов-профессионалов так или иначе вынуждены будут привлечь к работе. Кто-то рассчитывал на реабилитирующее воздействие прошлых политических заслуг: конфронтацию с властными структурами царской России, участие в Первой русской революции.

Советская власть, как известно, проявила большую заинтересованность в широком сотрудничестве с интеллигенцией. А для интеллигенции альтернативы такому сотрудничеству не было: оно логично вытекало из самого решения остаться в России.

Многие представители интеллигенции были привлечены к работе в качестве инструкторов, заведующих подсекциями и секциями местных отделов народного образования. Они в начале 1920-х годов по степени компетентности сотрудников практически не уступали аналогичным органам Москвы и Петрограда. Так, в Кубано-Черноморском областном подотделе искусств работали С. Маршак, А. Юнгер (художник «сатириконовец»), в Новороссийском городском – В. Мейерхольд, Ф. Гладков, А. Рославлев. Журналисты, в большинстве своем, сотрудничали в местных отделениях РОСТА, в пресс-бюро при Политпросветах, информационных бюро различных учреждений.

На Юге России быстрыми темпами шло вузовское строительство, поэтому ученые были чрезвычайно востребованы. Руководители вузов, еще недавно сотрудничавшие с денкиным, врагелевским, казачьими правительствами, теперь неизбежно вступали в контакт с новой властью по поводу финансирования, снабжения топливом, устройства судеб преподавателей и студентов.

По ходатайству глав отделов народного образования, вузов и научных учреждений находящуюся на службе интеллигенцию освобождали от реквизиции и трудовой повинности по очистке улиц, обеспечивали по возможности жильем и питанием (выдавали удостоверения для получения обедов в советских столовых). Однако многие не избежали и арестов, и реквизиций. Председателя «Союза возрождения России» В. Мякотина, некоторое время работавшего научным сотрудником архивной комиссии Кубано-Черноморского ОНО [3], в конце 1920 г. по решению Верховного революционного трибунала арестовали и препроводили в Москву. Непродолжительное время провели под арестом известный ученый, изобретатель телевидения и один из «отцов» высшего политехнического образования на Кубани Б.Л. Розинг, А.А. Юнгер, С.Я. Маршак. Имущество ряда профессоров

было реквизировано. Почвовед А.А. Ярилов даже написал письмо В.И. Ленину, в котором жаловался на произведенное 24 марта 1921 г. «Чрезвычайным штабом по ущемлению, уплотнению и выселению буржуазии» изъятие имущества, «вплоть до игрушек больной (на костылях) дочери и бинтов больной же жены», на то, что в результате реквизиций «погибли две законченные почти научные работы, а также наполовину обработанные материалы, результат 12-летнего труда по “Биологическому обоснованию трудовой теории ценности”»[4]. Письмо возымело силу. По телеграмме В.И. Ленина решением Кубано-Черноморского исполкома вещи были возвращены.

Уже на заре 1920-х годов власть хотела знать все не только об интеллектуальном уровне, квалификации, но и о политическом облике тех, кому доверены сферы образования и культуры. В «Анкету для лиц, состоящих на службе в Кубанском политехническом институте» были включены вопросы о социальном происхождении, членстве в партиях и союзах, об имеющейся недвижимости, о воинской службе, местопребывании и профессиональной деятельности в период правления Деникина. Предлагалось изложить также собственный взгляд «на сущность и задачи настоящего момента и ближайшие перспективы»[5].

Реальным препятствием для трудоустройства была служба в Белой армии в качестве офицера или чиновника. Однако в отношении отдельных лиц делались исключения. Например, художник С.В. Воинов, признавшийся, что «состоял на службе в белой армии в качестве военного чиновника» по ходатайству Отдела народного образования Кубано-Черноморского ревкома освобождался от явки по мобилизации бывших военных чиновников распоряжением Особоуполномоченного Реввоенсовета Кавфронта товарища Атарбекова... и снят с учета в Особом отделе N армии»[6].

Поддержка антибольшевистских сил в иных формах могла и вовсе не приниматься во внимание. Сохранился документ следующего содержания: «Мы, нижеподписавшиеся, сотрудники Подотдела искусств ОНО даем настоящую подписку о том, что никогда не состояли ни чиновниками, ни офицерами белой армии»[7]. Одной из первых под ним стоит подпись художника А.А. Юнгера, еще недавно рисовавшего карикатуры на большевиков, в т.ч. в екатеринодарском журнале «Шипы».

Планы монументальной пропаганды, художественное оформление празднеств осуществлялись нередко вчерашними авторами антисоветской агитпродукции (такими как А. Юнгер); революционные песни, репертуар театров революционной сатиры писали, главным образом, те, кто еще недавно в хлестких куплетах и фельетонах высмеивал пороки большевистского правления. Типичный пример: в 1919 г. в Ростове-на-Дону вышла поэма известного поэта-сатирика Е.Венского (Е.О. Пяткина) «Любям вольных гор», где автор, сотрудничавший с отделом пропаганды деникинского Осведомительного агентства (Освага), гневно бичевал «красную орду», превратившую жизнь горцев в сплошной кошмар. В 1922 г., уже находясь на службе у «красной орды», Е. Венский издал в Краснодаре пьесу «Буржуй в переплете» о трудовом перевоспитании буржуазии. В дальнейшем ситуация менялась: прошлое человека (до революции и в революционные годы) стало одним из важных показателей благонадежности или ее отсутствия.

Интенсивность южнороссийской культурной жизни начала 1920-х годов во многом была связана с организаторской и творческой деятельностью столичных мастеров. В это время еще продолжали работать многочисленные старые художественные коллективы и учреждения культуры, в том числе и созданные в период Гражданской войны. Государство по возможности старалось финансировать их. В итоге, например, жители Новороссийска имели возможность видеть на сцене Театра имени Ленина «Нору» Г. Ибсена в постановке В. Мейерхольда.

Уникальным можно назвать кадровый состав южнороссийских вузов в начале 1920-х гг. Несмотря на эмиграцию части профессуры, здесь первое время продолжали работать те, кто до революции преподавал в самых престижных университетах и институтах [8].

Остро стоявшая в те годы проблема детской беспризорности и безнадзорности требовала совместных усилий и эффективных мер. Уникальным явлением стал екатеринодарский (краснодарский) Театр для детей в рамках Детского городка, вокруг которого сгруппировались лучшие творческие силы. Ведущими актерами там были Д. Орлов – будущий народный артист РСФСР и его жена – актриса и режиссер А. Богданова. Музыка к

спектаклям писали известные композиторы С. Богатырев и В. Золотарев (ученик Балакирева), декорации создавали петербургский художник С. Воинов и ученик Л. Бакста Я. Гарбуз. В Театре для детей фактически родились как детские писатели С. Маршак и Е. Васильева (Черубина-де-Габриак). На сцене театра были впервые поставлены такие впоследствии известные пьесы как «Кошкин дом», «народная кукольная комедия» «Петрушка», «Горе-злосчастье» (последующее название «Горя бояться – счастья не видать»).

Уже в 1920 г. москвичи и петроградцы, уверенные в собственной востребованности в столицах и непорочности политической репутации, стали покидать Юг. 22 мая 1920 г. В. Мейерхольд («за спиной» у которого был, помимо широкой известности, опыт сотрудничества с большевиками и пребывание за это в деникинской тюрьме) писал А.В. Луначарскому: «Дорогой товарищ Анатолий Васильевич, как только закончу начатую здесь работу, так тотчас отправлюсь в Москву. Семью свою... отправляю вперед»[9]. К Мейерхольду по поводу протекции для переезда в столицы позже обращались многие из недавних южнороссийских коллег. Один из них – проживший более десяти лет на Кубани писатель и журналист, член РСДРП с 1905 г., будущий сталинский лауреат и ректор Литературного института Ф.В. Гладков. Его письма – эмоциональные, настойчивые – свидетельство непреодолимого желания переехать в Москву. «Спасите... меня из Новороссийской ямы. Ради бога, немедленно телеграфируйте через ВЦИК как члена партии, пишите, как найдете удобным и более скорым, - через Луначарского и т.д. – лишь бы я мог как можно скорее тронуться отсюда» – писал он [10]. Не дождавшись ответа, Гладков 5 декабря 1920 г., высылая Мейерхольду свою пьесу для «продвижения», сопровождает пакет более корректным, чем предыдущий, но не менее настойчивым текстом: «Вы знаете, что я прикован к Новороссийску и без вашей помощи ничего не могу предпринять. Жду ответ на письмо, в котором я просил помочь перебраться мне в Москву. Сейчас работаю в «Красном Черноморье» (уже три месяца) и назначен редактором газеты. Много и увлечением работаю над усовершенствованием ее.... Еще просьба, которую я повторяю еще раз: нельзя ли все-таки меня перетащить в Москву? Напишите, пожалуйста. Я член партии, и для переселения необходимо, кажется, действовать через ЦК или через Луначарского. Впрочем, Вам виднее»[11]. В 1921 г. желанный переезд состоялся.

Переход от «военного коммунизма» к нэпу вызвал сокращение государственных дотаций на образование и культуру. Часть учреждений перепрофилировали или закрыли, многие вузы стали техникумами. С 1921 г. основная роль в содержании учреждений образования и культуры отводилась местному бюджету. Так как зарплата подолгу не выплачивалась, многие сотрудники вынуждены были искать заработки вне основного места работы. Ситуацию усугубил разразившийся голод. Особенно тяжелой выдалась зима 1921-1922 гг. Сатирик Е. Венский писал в Кубано-Черноморский обком партии, сетуя на большую задолженность от областного Политпросвета: «Теперь я уже давно и упорно не обедаю, работаю 3-4 часа в сутки, остальное время хлопочу о гонораре» [12].

Служащие областного Отдела народного образования (Оботнароба) 26 июня 1921 г. написали на имя руководителя Отдела М.А. Алексинского заявление следующего содержания: «Второй день не получаем хлеба по продкарточкам, между тем как другие учреждения, т.н. ударные, как-то Обком, Совнархоз и т.д. получают аккуратно ежедневно. Большинство из нас не имеют возможности покупки хлеба на рынке по вольной цене»[13].

Л.Б. Твелькмейер – дочь Б.Л. Розинга, в начале 1920-х гг. – студентка вспоминала: «А жизнь в Краснодаре, как стал теперь называться Екатеринодар, становилась все труднее, от былого изобилия не осталось и следа, были введены карточки. Начался голод в Поволжье, и на Кубань хлынуло много беженцев, что ухудшало положение с продовольствием. Папа, конечно, получал зарплату, но на базаре купить было почти что нечего, разве что обменять вещи на кукурузную муку...»[14]

В это же время экономическое положение в столицах несколько нормализовалось; нэп возродил надежды интеллигенции на демократизацию, вслед за экономической, общественно-политической сферы. Медленно, но налаживалось железнодорожное сообщение с Москвой.

Сочетание данных факторов (потеря «былого изобилия» и стабилизация ситуации в центре) стало толчком для намеревавшихся покинуть провинцию. Это подтверждают тексты

источников личного происхождения. Особенно красноречиво письмо В. Мейерхольду, датированное 10 июня 1921 г., от молодого актера Д. Орлова, игравшего в начале 1920-х гг. в театрах Новороссийска и Краснодара. «Давно желанный переход в Москву считаю полной мерой на пути своем актерском. ... Повторяю. В Москву давно хотелось. Из Краснодара плыть да быть... Москва меня полонила. Теперь здесь, в полном театральном бесплодии и мути, так скверно. Пугал голод московский, но теперь и богатая «вольная» Кубань не отстает от Москвы. Все равно и здесь приходится бегать целый день по клубам, добывая хлеб насущный» – писал он [15]. «В городе становилось неуютно, голодно, все петроградцы начали себя чувствовать на отлете, наши родные засыпали нас письмами, что хватит нам сидеть на Кубани, что в Петрограде жизнь наладилась, никто не голодает, все живут в нормальных условиях» – вспоминала Л.Б. Твелькмейер [16].

«С точностью до наоборот» повторилась трехлетней давности ситуация в голодных революционных столицах, которую Н. Тэффи описала так: «Перспектив никаких. Все складывалось так, что нужно было ехать. И все кругом хлопотали о выезде, а если не хлопотали, не имея на успех никаких надежд, то хоть мечтали» [17]. Тогда большинство беженцев выбрало южное направление. Теперь они мечтали о том, чтобы как можно быстрее двинуться в обратный путь, на север.

В новой ситуации жизнь в провинции стала казаться скучной и неинтересной, несмотря на постоянную занятость, связанную с работой сразу в нескольких учреждениях. «Здесь мало людей, с которыми можно говорить... Хотя сейчас так трудно говорить вообще, так трудно, что масса времени уходит на внешнее, а быт съедает жизнь» – жаловался библиографу Е.Я. Архипову, жившему в Новороссийске, Б.А. Леман, профессор Кубанского института народного образования, один из основателей Театра для детей, друг С.Я. Маршака и Е.И. Васильевой [18].

Романтичная и эмоциональная Е.И. Васильева в письмах 1921-1922 гг. из Краснодара тому же Архипову сделала тему отъезда в северную столицу одной из сквозных. Кроме общих рассуждений, типа «опять хочется на север», «трудно здесь стало», «или уеду, или умру – больше уже нельзя», она мотивирует свое желание. Важнейшим мотивом выступает тоска по родному городу: «я скучаю по Петербургу, такой долгой разлуки с ним еще не было никогда», «я люблю его, так люблю, как, может быть, ни одного человека не любила в жизни», «думаю, что мой угол должен быть на севере, думаю, что в тумане и дожде мне будет привольней дышаться, чем здесь» [19]. В канун рождества Васильева с грустью вспоминает «прежние елки, еще дома, на севере» [20]. Она скучает по петербургской комнате, «затянутой темно-лиловыми розами, о бюсте Данте из мрамора, о старинной, затканной жемчугом иконе “Всех Скорбящих”, о гравюре ХУІ века – св. Тереза, о письменном столе красного дерева и темном фиалковом кресле...» [21]. Даже в южном климате, по сравнению с северным, находятся изъяны: «Никак не могу принять того, что здесь только три времени года: нет весны. И как-то все чувства неспособны к такому быстрому переходу» [22].

Меры, способствовавшие скорейшему отъезду, предпринимали многие. Этот процесс фрагментарно отражен в источниках, однако воплотился в конечных результатах. В рамках командировок в Москву и Петроград за оборудованием и нормативными материалами вузовские профессора выясняли возможность собственного трудоустройства. Многие списывались с бывшими коллегами, узнавая о вакансиях и условиях работы. Дочь Б.Л. Розинга вспоминала: «За папой местные власти и Наркомпрос очень ухаживали, хотели его всеми силами удержать как полезного человека, пугало проснувшееся у всех стремление вернуться в Москву и Петроград, это очень оголяло фронт народного образования, который держался главным образом на приезжих, оказавшихся неблагодарными, как считал папа, – пока было хорошо, так сидели, а теперь бегут» [23]. Однако процесс бегства в столицу остановить было невозможно. Вскоре в ряды «бегущих» влился и Б.Л. Розинг. Как писал ректор Кубанского медицинского института Н.Ф. Мельников-Разведенков, «один за другим потянулись на Север, в свои насиженные научные гнезда осевшие временно на Кубани ученые...» [24].

На Юг шли телеграммы за подписью А.В. Луначарского: ценных, с точки зрения руководства, кадров просили командировать в распоряжение Наркомпроса. Предполагалась, что уникальный опыт, накопленный в провинции, будут транслироваться в

столицах. Одна из телеграмм, датированная 29 апреля 1922 г., касалась организаторов Театра для детей: «Прошу откомандировать Москву распоряжение Наркомпроса Елизавету Ивановну Васильеву, Бориса Алексеевича Лемана, Самуила Яковлевича Маршака. Прошу предоставить им срок выезда, удобства переезда. Маршаку с семьей. Наркомпрос Луначарский»[25]. Телеграмма поступила 4 мая, а уже 5 мая все, упомянутые в телеграмме, обратились с соответствующим заявлением к руководителю Оботнароба М.А. Алексинскому[26]. В начале лета они покинули Краснодар. Маршак и Васильева с сентября этого же года начали работать в литературной части Петроградского ТЮЗа. Их совместный сборник «Театр для детей», первое издание которого вышло в свет в Краснодаре в 1922, был переиздан в Москве и Ленинграде. В рабочем кабинете С.Я. Маршака несколько десятилетий висел красочный эскиз декорации к поставленной в Краснодаре пьесе по сказке О. Уайльда «Молодой король» с надписью «Дорогому Самуилу Яковлевичу на память о нашей общей работе и нашем театре для детей – начало его отсюда. Будем же с благодарностью помнить об этом времени. Елизавета Васильева. 1923 г. СПб., 5 марта» [27].

Лежавшие «на поверхности», излагавшиеся в письмах и, вероятно, устно причины переезда сводились к желанию вернуться на место прежнего проживания и/или профессионально реализоваться в столичном городе. То, о чем молчали, касалось желания отдалить себя (хотя бы географически) от сотрудничества с несоветскими режимами, имевшего место в 1918 – начале 1920 г. Ведь за плечами у многих представителей интеллигенции, живших на Юге в годы Гражданской войны, был такой опыт (работа в Осваге, в несоветских изданиях, органах образования несоветских правительств и т.д.). «Редактирование» автобиографий происходило уже в рамках заполнения первых анкет советских организаций и продолжалось в течение многих десятилетий советской власти. Например, в биографии С.Я. Маршака революционные годы ассоциировались с созданием Театра для детей после установления власти Советов в 1920 г., а вовсе не с длительным сотрудничеством в антисоветской газете «Утро Юга». Его сборник стихотворных фельетонов «Сатиры и эпиграммы» (Екатеринодар, 1919), часть из которых имела ярко выраженную антисоветскую направленность, даже в начале 1990-х годов называли «сборником дореволюционных стихов»[28].

Историк литературы М. Чудакова справедливо утверждала, что «формирование двусмысленной литературной атмосферы советского времени в немалой степени было связано с тем, что очень многие... столичные литераторы были хорошо осведомлены о той части социальной и литературной биографии друг друга, которая относилась к 1918–1920 годам, – и последующее перекрашивание как бы предполагало взаимную скромность»[29]. Это же относилось к представителям других профессиональных групп интеллигенции.

Разумеется, выездными настроениями не были охвачены абсолютно все представители интеллигенции. Некоторые, хорошо известные в столицах по дореволюционной деятельности «во славу царя и отечества», наоборот сочли Кубань относительно безопасным местом. Кубанская студентка конца 1920-х Валентина Богдан, будучи в эмиграции, в мемуарах вспоминала комментарии сокурсника, утверждавшего, что уникальный состав профессоров кубанских вузов связан с тем, что «во время революции и Гражданской войны многие ученые бежали на юг... Многие осели здесь навсегда. Некоторые профессора были еще замечательны и своим прошлым: один из них преподавал физику Наследнику Престола, другой работал в прокуратуре Святейшего Синода, третий бывший барон»[30]. Речь шла о профессорах Э. П. Цытовиче (в годы Гражданской войны он был управляющим Ведомством народного просвещения Кубанского краевого правительства), ректоре Кубанского сельскохозяйственного института (вскоре репрессированном) Н.А. Ленском, в 1918-1919 гг. занимавшем ответственные должности в деникинском Осваге. Настоящее имя барона, «профессора диалектического материализма» пока выяснить не удалось (мемуаристка называет его вымышленной фамилией – Розенберг).

Заключение

Учитывая все отмеченное выше, следует заключить, что большая часть недавних беженцев из столиц и те, кто чувствовал в себе силы для их покорения, в 1921–1924 гг.

покинула регион. Судьбы их сложились по-разному. Заметными фигурами в культурной жизни страны Советов стали С.Я. Маршак, Ф.В. Гладков, Д.Н. Орлов. Успешная деятельность многих (В.Э. Мейерхольда, Б.Л. Розинга, Е.И. Васильевой, Е.О. Пяткина (Венского), Б.А. Лемана, А.А. Юнгера и др.) была прервана или приостанавливалась репрессиями. В анкетах и автобиографиях они наполняли свои «южные страницы» исключительно данными о работе в советских учреждениях культуры и образования, при этом избегая даже упоминания о периоде, предшествующем установлению советской власти.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект 14-01-00239 «Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920-1930-х годов в ракурсе культурной истории эмоций».

Примечания:

1. Д-р Фрикен Сказочный город // Куценко И.Я. С.Я. Маршак в Екатеринодаре–Краснодаре. 1918-1922. Краснодар: РОИ РИПО «Адыгея», 1997. С. 405-406.
2. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. С. 26.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р 365. Оп. 1. Д. 19. Л. 190.
4. Куценко И.Я. Кубанский государственный технологический университет. История и современность. Краснодар, 1999. С. 92-93.
5. Анкеты имеются в личных делах преподавателей Кубанского политехнического института (ГАКК Ф. Р 229. Оп. 1).
6. ГАКК. Ф. Р 365. Оп. 5. Д. 30. Л. 24.
7. ГАКК. Ф. Р 365. Оп. 5. Д. 30. Л. 31.
8. См.: Еремеева А.Н. Наука и власть: кубанский контекст (1917–1941 гг.) / А.Н. Еремеева, А. Ю. Рожков, М.Р. Стругова. Краснодар, 2010. Гл. 1.
9. В.Э. Мейерхольд. Переписка, 1896–1939 / сост. В.П. Коршунова, М.М. Ситковецкая. М.: Искусство, 1976. С. 204.
10. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 998. Оп. 1. Д. 1378. Л. 1.
11. В.Э. Мейерхольд. Переписка, 1896-1939. С. 210
12. ГАКК. Ф. Р. 365. Оп. 1. Д. 1282. Л. 158.
13. ГАКК Ф. Р 365. Оп. 3. Д. 39. Л. 6
14. Твелькмейер Л.Б. Мой отец и его окружение // Нестор № 12. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Русская жизнь в мемуарах. Из семейных архивов. СПб, 2008. С. 93
15. В.Э. Мейерхольд. Переписка, 1896-1939. С. 211.
16. Твелькмейер Л.Б. Мой отец и его окружение. С. 93.
17. Тэффи Н. Воспоминания / Ностальгия: рассказы. Воспоминания. Л.: Художественная литература, 1989. С. 425.
18. Черубина де Габриак. Из мира уйти неразгаданной... Феодосия-Москва, 2009. С. 90.
19. Там же. С. 91-106.
20. Там же. С. 98.
21. Там же. С. 104.
22. Там же. С. 91.
23. Там же. С. 96.
24. Мельников-Развеев Н.Ф. Медицина и краеведение // Известия ОЛИКО. Вып. 9. Краснодар, 1925. С. 203.
25. ГАКК. Ф. Р 365. Оп. 3. Д. 39. Л. 103.
26. Там же. Л. 104.
27. Маршак И.С. От детства к детям // Жизнь и творчество Самуила Яковлевича Маршака. М.: Детская литература, 1975. С. 453-454.
28. Кушлина О.Б. Маршак Самуил Яковлевич // Русские писатели. 1800-1917. Бимографический словарь. Т.3. М.: БСЭ, 1994. С. 538.
29. Чудакова М. Об Илье Эренбурге и Еве Берар // Звезда. 1993. №9. С. 184.
30. Богдан В. Студенты первой пятилетки. Буэнос-Айрес, 1973. С. 23.

References:

1. D-r Friken Skazochnyj gorod // Kucenko I.Ya. S.Ya. Marshak v Ekaterinodare–Krasnodare. 1918-1922. Krasnodar: ROI RIPO «Adygeya», 1997. S. 405-406.
2. Narskij I.V. Zhizn' v katastrofe. Budni naseleniya Urals v 1917-1922 gg. M.: ROSSPEHN, 2001. S. 26.

3. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja. (GAKK). F. R 365. Op. 1. D. 19. L. 190.
4. Kucenko I.YA. Kubanskij gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet. Istoriya i sovremennost'. Krasnodar, 1999. S. 92-93.
5. Ankety imeyutsya v lichnyh delah prepodavatelej Kubanskogo politekhnicheskogo instituta (GAKK F. R 229. Op. 1).
6. GAKK. F. R 365. Op. 5. D. 30. L. 24.
7. GAKK. F. R 365. Op. 5. D. 30. L. 31.
8. Sm.: Eremeeva A. N. Nauka i vlast': kubanskij kontekst (1917-1941) / A.N. Eremeeva, A.Yu. Rozhkov, M.R. Strugova. Krasnodar, 2010. Gl. 1.
9. V.Eh. Mejerhol'd. Perepiska, 1896-1939 / sost. V. P. Korshunova, M. M. Sitkoveckaya. M.: Iskusstvo, 1976. S. 204.
10. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva. F. 998. Op. 1. D. 1378. L. 1.
11. V.Eh. Mejerhol'd. Perepiska, 1896-1939. S. 210
12. GAKK. F. R. 365. Op. 1. D. 1282. L. 158.
13. GAKK F. R 365. Op. 3. D. 39. L. 6
14. Tvel'kmejer L.B. Moj otec i ego okruzhenie // Nestor № 12. ZHurnal istorii i kul'tury Rossii i Vostochnoj Evropy. Russkaya zhizn' v memuarah. Iz semejnyh arhivov. SPb, 2008. S. 93.
15. V.Eh. Mejerhol'd. Perepiska, 1896-1939. S. 211.
16. Tvel'kmejer L.B. Moj otec i ego okruzhenie. S. 93.
17. Tehffii N. Vospominaniya / Nostal'giya: rasskazy. Vospominaniya. L.: Hudozhestvennaya literatura, 1989. S. 425.
18. Cherubina de Gabriak. Iz mira ujeti nerazgadannoj... Feodosiya-Moskva, 2009. S. 90.
19. Tam zhe. S. 91-106.
20. Tam zhe. S. 98.
21. Tam zhe. S. 104.
22. Tam zhe. S. 91.
23. Tam zhe. S. 96.
24. Mel'nikov-Razveenkov N. F. Medicina i kraevedenie // Izvestiya OLIKO. Vyp. 9. Krasnodar, 1925. S. 203.
25. GAKK. F. R 365. Op. 3. D. 39. L. 103.
26. Tam zhe. L. 104.
27. Marshak I.S. Ot detstva k detyam // ZHizn' i tvorchestvo Samuila YAKovlevicha Marshaka. M.: Detskaya literatura, 1975. S. 453-454.
28. Kushlina O.B. Marshak Samuil YAKovlevich // Russkie pisateli. 1800-1917. Bimograficheskij slovar'. T.3. M.: BSEH, 1994. S. 538.
29. Chudakova M. Ob Il'e EHrenburge i Eve Berar // Zvezda. 1993. №9. S.184.
30. Bogdan V. Studenty pervoj pyatiletki. Buehnos-Ajres, 1973. S. 23.

УДК 94

«Или уеду, или умру»: «выездные» настроения интеллигенции южнороссийских городов в начале 1920-х гг.

Анна Натановна Еремеева

НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Южный филиал
350063, Краснодар, ул. Красная, 28, оф. 28.

Доктор исторических наук, профессор
E-mail: eranna2000@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята реконструкция эмоционального состояния интеллигенции городов Кубани и Черноморья в начале 1920-х гг. Объектом исследования выступает, прежде всего, столичная интеллигенция, бежавшая на Юг в годы Гражданской войны, а после ее окончания предпринимавшая все возможное для возвращения обратно.

Ключевые слова: Юг России; начало 1920-х гг.; интеллигенция; эмоциональное состояние; центр-провинция.